

А. А. Казаков*

ДИСБАЛАНС В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ИММУНИТЕТОВ В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. В статье процессуальные иммунитеты в уголовном судопроизводстве рассматриваются как изъятие из конституционного принципа равенства человека и гражданина перед законом и судом. Формулируется положение о допустимости существования таких исключений. Вместе с тем подчеркивается, что законодателю необходимо установить четкие границы действия процессуальных иммунитетов. Их закрепление на нормативном уровне обусловлено необходимостью обеспечения неприкосновенности лиц, выполняющих публично значимые функции. В свою очередь, правовое регулирование рассматриваемых гарантий должно предполагать установление оптимального баланса между различными интересами. В обоснование данной позиции приводится правовая позиция Конституционного Суда РФ. По мнению автора, такой баланс в настоящее время в полной мере не достигается. Причиной тому выступают недостатки в правовом регулировании производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц. Значительные трудности для правоприменителя создает закрепление процессуальных иммунитетов в нескольких нормативных актах — как УПК РФ, так и других специальных федеральных законах. Приводятся примеры различного изложения одних и тех же гарантий в этих актах, что не позволяет достичь необходимого уровня правовой определенности в исследуемой сфере отношений.

Автором даются рекомендации по порядку производства процессуальных действий в отношении субъектов, обладающих особым правовым статусом. Однако отмечается, что в целях исключения неоднозначного толкования нормативных предписаний необходимо внести изменения в закон.

Анализ некоторых процессуальных иммунитетов свидетельствует о том, что они могут послужить безусловным препятствием к привлечению виновных лиц к уголовной ответственности. К числу таковых относится необходимость получения предварительного согласия соответствующей палаты Федерального Собрания для производства обыска в жилом помещении депутата Государственной Думы и члена Совета Федерации.

Отдельно отмечается непропорциональное установление привилегий отдельным категориям лиц. Например, излишним объемом гарантий наделены адвокаты. Предлагается рассматривать процессуальные иммунитеты в качестве единой системы.

Дисбаланс в правовом регулировании процессуальных иммунитетов обусловлен и отсутствием четкой регламентации порядка производства процессуальных действий в отношении лиц, утративших особый статус, а также отказавшихся от предоставленных им законом преимуществ. Такие действия должны проводиться в общем порядке.

© Казаков А. А., 2016

* Казаков Александр Алексеевич, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой уголовного процесса второго факультета повышения квалификации (с дислокацией в г. Екатеринбург) Института повышения квалификации Академии Следственного комитета Российской Федерации

a.a.kazakov.cp@gmail.com

620142, Россия, г. Екатеринбург, ул. Щорса, д. 18

Ключевые слова: процессуальный иммунитет, особый правовой статус, уголовно-процессуальные гарантии, правовое регулирование, баланс интересов, адвокатская тайна, парламентская неприкосновенность, неприкосновенность судей, обыск, свидетельский иммунитет, отдельные категории лиц.

DOI: 10.17803/1729-5920.2016.113.4.115-123

Современное российское законодательство предусматривает ряд исключений из действия принципа равенства человека и гражданина перед законом и судом. Представляется, что к числу таковых относятся уголовно-процессуальные иммунитеты, рассматриваемые учеными-юристами в качестве особых охранительных механизмов, обеспечивающих высокий уровень состояния защищенности и свободы личности, обладающей специальным статусом¹. Содержание этих привилегий заключается в усложнении порядка производства процессуальных действий по сравнению с общей процедурой уголовного преследования лиц, не занимающих определенное положение в социуме.

Как видится, практически любой принцип не может быть возведен в абсолют. В противном случае его реализация может подменить истинную цель уголовного судопроизводства. Поэтому наличие изъятий из общего правила допустимо. Однако, предусматривая такие изъятия, законодатель должен проявлять разумность и сдержанность, четко устанавливая, в частности, границы действия процессуальных иммунитетов, равно как и круг субъектов, ими обладающих.

Ему необходимо также придерживаться позиции Конституционного Суда Российской Федерации, последовательно отмечавшего значение усложненного порядка производства по уголовным делам как дополнительной гарантии от неправомерного воздействия на лиц в связи с исполнением ими публично значимых функций². Вместе с тем установление этих гарантий

должно предполагать достижение оптимального баланса между интересами обеспечения неприкосновенности ряда субъектов и неотвратимости привлечения виновных в совершении преступлений к уголовной ответственности³.

Процессуальные иммунитеты в сфере уголовного судопроизводства закреплены как в УПК РФ, так и в иных федеральных законах, регулирующих правовое положение определенной категории лиц. При этом объем гарантий может регулироваться в этих нормативных правовых актах по-разному, что служит препятствием к обеспечению правовой определенности в следственно-судебной практике.

Например, согласно ст. 15 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»⁴ депутат законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации вправе отказаться от дачи свидетельских показаний по уголовному делу об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с осуществлением его полномочий. В то же время такие лица не перечислены в ч. 3 ст. 56 УПК РФ среди субъектов, обладающих свидетельским иммунитетом. Вместе с тем с учетом положений ч. 2 ст. 51 Конституции РФ органы предварительного расследования должны предупреждать депутатов данного уровня о наличии у них соответствующей возможности. В противном случае полученные от них показания могут быть признаны недопустимыми доказательствами.

¹ См.: Тарнаков О. Г. Иммунитеты в уголовном процессе. М., 2011. С. 17—20.

² Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18.07.2006 № 281-О; определение Конституционного Суда РФ от 24.01.2008 № 58-О-О; определение Конституционного Суда РФ от 19.05.2009 № 843-О-О; определение Конституционного Суда РФ от 21.04.2011 № 593-О-О; определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2014 № 1632-О; определение Конституционного Суда РФ от 23.04.2015 № 839-О // СПС «КонсультантПлюс».

³ Определение Конституционного Суда РФ от 19.05.2009 № 843-О-О // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Аналогичным образом сто́ит принимать во внимание, что в соответствии с п. 35, 36 ст. 2, п. 4 ст. 41 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»⁵ решение о возбуждении уголовного дела в отношении зарегистрированного кандидата на выборные должности в органы местного самоуправления (о привлечении его в качестве обвиняемого) и об инициировании перед судом ходатайства об избрании ему меры пресечения в виде заключения под стражу принимается с согласия руководителя следственного органа СК России соответственно уровню выборов. И, несмотря на отсутствие подобных положений в тексте УПК РФ, следствию в силу правовой позиции Конституционного Суда РФ⁶ необходимо ими руководствоваться.

Фактически процессуальные иммунитеты «запрятаны» в текстах различных законодательных актов. Как результат, правоприменитель, привыкший осуществлять производство по уголовному делу исключительно или преимущественно на основании положений УПК РФ, может допустить несоблюдение гарантий обладающего особым статусом лица, даже не предполагая о возможности их существования. Вряд ли такое закрепление иммунитетов на нормативном уровне способствует достижению обозначенного Конституционным Судом РФ баланса интересов.

Рассмотренные ситуации не являются единственными примерами различного правового регулирования процессуальных привилегий отдельных категорий лиц.

Так, согласно ч. 3 ст. 450 УПК РФ судебное решение о производстве обыска у члена Совета Федерации, депутата Государственной Думы исполняется в том же порядке, что и постановление об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении данных лиц, т.е. с согласия соответствующей палаты Федерального Собрания. Между тем такое решение, исходя из общих положений

УПК РФ, требуется в целях санкционирования обыска в жилом помещении и личного обыска, за исключением ситуаций, предусмотренных ч. 2 ст. 184 УПК РФ. Значит, сфера действия ч. 3 ст. 450 УПК РФ ограничивается именно этими видами обыска.

В то же время в соответствии с п. «б» ч. 2 ст. 19 Федерального закона «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»⁷ депутат Государственной Думы, член Совета Федерации не может быть подвергнут обыску (за исключением случаев задержания на месте преступления) без согласия соответствующей палаты Федерального Собрания. Как видим, здесь отсутствует упоминание о судебном решении в принципе, поэтому можно сделать вывод о том, что данная норма касается любого обыска (в жилом и служебном помещении, личного обыска и т.д.). Это и вполне логично, учитывая нахождение указанного правового предписания в ст. 19 рассматриваемого Закона, именуемой «Неприкосновенность члена Совета Федерации, депутата Государственной Думы». Такая неприкосновенность между тем распространяется на жилые и служебные помещения, личные и служебные транспортные средства, средства связи, принадлежащие указанным лицам документы и багаж, переписку⁸.

С другой стороны, инициирование уголовного преследования в отношении депутата Государственной Думы, члена Совета Федерации предполагает одновременно и проведение мероприятий по лишению его неприкосновенности, после чего, по всей видимости, пунктом «б» ч. 2 ст. 19 Закона «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» не надлежит руководствоваться. Однако в данном случае не утрачивает значение ч. 3 ст. 450 УПК, предусмотренная в целях правового регулирования как раз подобного рода ситуаций.

⁵ Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 06.04.2015) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 08.11.2005 № 439-О // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Федеральный закон от 08.05.1994 № 3-ФЗ (ред. от 29.06.2015) «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Федеральный закон от 08.05.1994 № 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». Ч. 3 ст. 19.

При наличии описанных коллизий норм можно дать следующие рекомендации:

- 1) при возбуждении уголовного дела в отношении депутата Государственной Думы, члена Совета Федерации (привлечении его в качестве обвиняемого) и лишении его неприкосновенности обыск в его жилом помещении, а также личный обыск (в отсутствие предусмотренных законом исключений) необходимо проводить только после получения согласия соответственно Государственной Думы или Совета Федерации на исполнение ранее полученного судебного решения;
- 2) в иных случаях, не связанных с уголовным преследованием данных субъектов, с согласия компетентных органов целесообразно осуществлять все виды обыска независимо от того, требуется ли для их производства обращаться с соответствующим ходатайством в суд.

Данная трактовка напрямую не вытекает из рассмотренных положений закона и, как следствие, не бесспорна. Однако приведенный пример иллюстрирует отсутствие должного правового регулирования парламентской неприкосновенности. Думается, что при сравнении положений УПК РФ и специального Федерального закона у правоприменителей могут сформироваться различные позиции относительно порядка производства обыска у представителей Федерального Собрания.

Справедливую критику может вызвать и содержание рассматриваемых гарантий, а именно необходимость получения согласия Государственной Думы либо Совета Федерации на производство данного следственного действия. При наличии противодействия предварительному расследованию результативность обыска можно обеспечить за счет его тайного характера и внезапности. В свою очередь, соблюдение предусмотренной законом процедуры неминуемо приведет к информированию обладающего парламентской неприкосновенностью лица о предстоящем мероприятии, что предоставляет ему необоснованную возможность уничтожить предметы, имеющие значение для уголовного дела. Фактически производство обыска становится бессмысленным, и сторона обвинения лишается существенного средства собирания доказательств.

Представляется, что подобная гарантия (которая ввиду отсутствия соответствующих ограничений в законе распространяется на всех лиц, проживающих в данном жилом помещении) в определенных ситуациях может приобретать характер личной привилегии, способствующей необоснованному уклонению от уголовной ответственности. Наличие процессуального иммунитета в таком объеме нарушает баланс публично значимых ценностей, позволяя парламентской неприкосновенности выступать в качестве безусловного препятствия к осуждению виновных.

Не до конца оптимальным видится и правовое регулирование процессуальных гарантий судей. Так, согласно п. 7 ст. 16 Закона РФ «О статусе судей Российской Федерации»⁹ осуществление в отношении судьи оперативно-розыскных мероприятий, а также следственных действий (если в отношении судьи не возбуждено уголовное дело либо он не привлечен в качестве обвиняемого по уголовному делу), связанных с ограничением его гражданских прав либо с нарушением его неприкосновенности, определенной Конституцией, федеральными конституционными законами и федеральными законами, допускается не иначе как на основании решения, принимаемого в отношении:

- судьи Конституционного Суда, Верховного Суда, верховного суда республики, краевого, областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа, военного суда, арбитражного суда — судебной коллегией в составе трех судей Верховного Суда;
- судьи районного суда и конституционного (уставного) суда субъекта Российской Федерации, мирового судьи — судебной коллегией в составе трех судей соответственно верховного суда республики, краевого, областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа.

Неприкосновенность судьи, как следует из п. 1 ст. 16 Закона РФ «О статусе судей», включает в себя неприкосновенность личности, занимаемых им жилых и служебных помещений, используемых им личных и служебных транспортных средств, принадлежащих ему доку-

⁹ Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 06.04.2015, с изм. от 14.05.2015) «О статусе судей в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

ментов, багажа и иного имущества, тайну переписки и иной корреспонденции (телефонных переговоров, почтовых, телеграфных, других электрических и иных принимаемых и отправляемых судьей сообщений). Поэтому довольно часто ограничение какого-либо гражданского права судьи будет затрагивать и его неприкосновенность, а значит, не совсем корректно использование разделительного союза «либо» в п. 7 исследуемой статьи.

Однозначно, что к таким мероприятиям следует отнести следственные действия, допускаемые согласно ч. 2 ст. 29 УПК РФ не иначе как на основании судебного решения: осмотр жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц; обыск и выемка в жилище; выемка заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи; личный обыск; выемка предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну; а также предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях; наложение ареста на корреспонденцию, разрешение на ее осмотр и выемку в учреждениях связи; контроль и запись телефонных и иных переговоров; получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами), если они, конечно, каким-либо образом ограничивают гражданские права судьи и (или) посягают на его неприкосновенность. В этот же список с учетом толкования содержания судебской неприкосновенности следует добавить осмотр, обыск, выемку, которые производятся в его служебных помещениях, личных и служебных транспортных средствах, либо предметом которых являются принадлежащие ему предметы и документы. Вероятно, затрагивает неприкосновенность личности такое следственное действие, как освидетельствование.

В свою очередь, допрос судьи, проведение с ним очной ставки и проверка его показаний на месте, за исключением случаев, предусмотренных п. 1 ч. 3 ст. 56 УПК РФ, должны осуществляться в общем порядке. Хотя не исключено, что в отсутствие единых рекомендаций суды могут не поддержать эту позицию. Поэтому желательно заручиться согласием судьи на производство в отношении него следственных

действий. Однако трудно однозначно сказать, свидетельствует ли такое согласие о том, что в этом случае его гражданские права и (или) неприкосновенность не затрагиваются, а значит, нет необходимости в получении соответствующего судебного решения.

Как видим, законодатель вместо того, чтобы дать четкий перечень оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, реализуемых в особом порядке, включил в текст данного нормативного правового акта формулировку оценочного характера, не позволяющую однозначно определить, какие процессуальные мероприятия она под собой подразумевает.

Не менее неопределенными выглядят положения закона об адвокатской тайне. В силу п. 3 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»¹⁰ проведение оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий в отношении адвоката (в том числе в жилых и служебных помещениях, используемых им для осуществления адвокатской деятельности) допускается только на основании судебного решения.

В Конституции РФ закреплена неприкосновенность членов Совета Федерации, депутатов Государственной Думы и судей (ст. 98 и 122), аналогичные положения в отношении адвокатов не предусмотрены.

В связи с этим предварительное получение разрешения суда на производство любого оперативно-розыскного мероприятия или следственного действия в отношении адвоката (при том что такой объем привилегий отсутствует даже у парламентариев и судей) выглядит не совсем оправданным.

Не случайно Конституционный Суд РФ отметил, что норма п. 3 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» предполагает получение судебного решения при проведении в отношении адвоката лишь тех оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, которые вторгаются в сферу осуществления им собственно адвокатской деятельности — к каковой в любом случае не может быть отнесено совершение адвокатом преступного деяния как несовместимого с его статусом — и (или)

¹⁰ Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

могут затрагивать адвокатскую тайну¹¹. Такое толкование рассматриваемых предписаний вполне соотносится и с наименованием данной статьи («Адвокатская тайна»).

Представляется целесообразным повсеместное претворение этого подхода в практической деятельности, что значительно сузит возможность использования института адвокатской тайны в целях уклонения от привлечения к уголовной ответственности. Однако в ряде регионов следователи обращаются в суд с ходатайством о проведении, к примеру, допросов, очных ставок в отношении адвокатов¹². С учетом позиции органа конституционного надзора это видится излишним. В любом случае получение судебного решения на производство указанных следственных действий не позволит преодолеть действие свидетельского иммунитета адвоката, закрепленного в п. 2 и 3 ч. 3 ст. 56 УПК РФ. Во всех остальных ситуациях, когда интересующие органы уголовного судопроизводства сведения об обстоятельствах дела стали известны адвокату не в связи с обращением к нему за юридической помощью или ее оказанием, нет необходимости для осуществления его допроса обращаться в суд.

Подобная необходимость отсутствует и в ситуациях, когда появляются основания для производства следственных действий, не представляющих угрозы для адвокатской тайны (например, освидетельствование, опознание). В то же время осмотр, обыск, выемка в отношении адвоката, потенциально посягающие на конфиденциальность такой тайны, следует осуществлять только после получения соответствующего судебного решения, за исключением редких ситуаций, когда их проведение не предполагает вторжения в сферу собственно адвокатской деятельности и (или) не затрагивает сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю.

Видится, что именно такие пределы действия уголовно-процессуальных привилегий адвокатов должны быть закреплены нормативно. Сложно не согласиться с тем, что законодателю принадлежит право, исходя из конституционно значимых целей и с учетом принципов демократического правового госу-

дарства, определять в федеральных законах как круг лиц, нуждающихся — в конкретной исторической ситуации — в дополнительных гарантиях своей деятельности, так и объем этих гарантий¹³. Однако иммунитеты в уголовном процессе следует рассматривать как единую систему, в рамках которой их объем должен быть уравновешен с учетом публичной значимости каждой из категорий субъектов, наделенных особым статусом.

В связи с этим, например, не совсем понятно, почему заключение под стражу зарегистрированных кандидатов в депутаты законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации осуществляется в усложненном порядке, а уже избранных в этот орган депутатов — в общем (ст. 450 УПК РФ).

Количество неопределенных правовых предписаний, регулирующих производство по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц, представляется чрезмерно большим. Среди них — ч. 5 ст. 450 УПК РФ. Согласно этой норме следственные и иные процессуальные действия, осуществляемые не иначе как на основании судебного решения, в отношении лица, указанного в ч. 1 ст. 447 УПК РФ, если уголовное дело в отношении него не возбуждено или такое лицо не было привлечено в качестве обвиняемого, производятся с согласия суда, указанного в ч. 1 ст. 448 УПК РФ.

Данная редакция закона была актуальна, когда в ходе реализации норм главы 52 УПК РФ в целях положительного разрешения вопроса об инициировании уголовного преследования практически всегда требовалось заключение суда определенного уровня о наличии признаков преступления в действиях конкретного субъекта. Отныне подобного рода заключение требуется лишь в случаях, если в качестве такого субъекта будет выступать Генеральный прокурор РФ или Председатель Следственного комитета РФ. Поэтому ч. 5 ст. 450 УПК РФ закрепляет процессуальные иммунитеты только этих лиц. Во всех остальных ситуациях она безжизненна.

Практические работники зачастую сталкиваются с трудностями при ее интерпретации. Казалось бы, необходимо ориентироваться на

¹¹ Определение Конституционного Суда РФ от 22.03.2012 № 629-О-О // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Расследование преступлений, совершенных организованными формированиями : науч.-практ. пособие / под общ. ред. В. Н. Карагодина. М., 2015. С. 147—148.

¹³ Определение Конституционного Суда РФ от 06.02.2004 № 26-О // СПС «КонсультантПлюс».

уровень суда, предусмотренный ст. 448 УПК РФ, однако в этой норме указание на него отсутствует. Поэтому нет четкого понимания, каков порядок производства следственных действий в отношении обладающих особым правовым статусом лиц, не наделенных статусом подозреваемого, обвиняемого по уголовному делу. Очевидно, в ч. 5 ст. 450 УПК РФ следует сделать ссылку на конкретные пункты ч. 1 ст. 448 УПК РФ.

Нуждается в урегулировании и вопрос об иммунитетах субъектов, утративших особый правовой статус. Буквальное толкование положений главы 52 УПК РФ дает основание полагать, что дополнительными гарантиями наделены только лица, занимающие на момент производства процессуального действия соответствующее общественное положение. Однако в следственно-судебной практике на протяжении длительного периода встречаются различные подходы по данному вопросу¹⁴.

Нет единства и в юридической науке. Так, высказывалось мнение, что возбуждение уголовного дела по правилам главы 52 УПК РФ будет незаконным в том случае, если лицо в период своей публичной деятельности являлось спецсубъектом и совершило деяние, содержащее признаки преступления, но на момент принятия данного процессуального решения утратило свой особый статус¹⁵.

Примечателен следующий пример. Б. признан виновным и осужден за покушение на получение должностным лицом через посредника взятки в виде денег в крупном размере за совершение в пользу взяткодателя и представляемых им лиц действий, которые входили в его служебные полномочия.

В кассационной жалобе (основной и дополнительной) адвокат в интересах осужденного Б. просил приговор отменить, а дело прекратить. Он утверждал, что в нарушение положений ст. 447 и 448 УПК РФ уголовное дело возбуж-

дено неполномочным должностным лицом. Поскольку Б. состоял в должности старшего следователя следственного отдела по району и все действия, которые ему инкриминированы, были совершены им в связи с исполнением служебных обязанностей, уголовное дело могло быть возбуждено только руководителем следственного органа СК России по субъекту Российской Федерации.

Эти доводы Судебная коллегия нашла необоснованными. В соответствии с п. 10 ч. 1 ст. 448 УПК РФ решение о возбуждении уголовного дела в отношении следователя следственного органа по району принимается в особом порядке. По смыслу закона такие гарантии призваны оградить его от попыток оказать на него давление путем привлечения или угрозы привлечения к уголовной ответственности. Вместе с тем эти ограничения не могут рассматриваться как личная привилегия, освобождающая следователя от ответственности за совершенное им преступление.

Из материалов дела следует, что на момент возбуждения уголовного дела Б. уже не работал на должности следователя, так как был уволен. При таких обстоятельствах установленные ограничения не распространяются на порядок возбуждения уголовного дела в отношении бывшего следователя Б., хотя он и совершил уголовное преступление в период нахождения на должности следователя, поскольку факт возбуждения уголовного дела не связан с вмешательством в его служебную деятельность и преследованием за такую деятельность¹⁶.

Как видим, Верховный Суд РФ признал законными действия по привлечению к уголовной ответственности в общем порядке лица, утратившего особый правовой статус, при том что им было совершено преступление, обусловленное его профессиональной деятельностью.

Действительно, утрата Б. должностного положения автоматически исключала возмож-

¹⁴ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 03.05.2006 № 11-Д06-27 ; определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 31.10.2007 № 46-О97-80 ; определение Конституционного Суда РФ от 05.02.2009 № 249-О-0 ; определение Судебной коллегии по уголовным делам суда Ханты-Мансийского автономного округа-Югры от 10.11.2010 № 22-2618 ; кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 06.12.2012 № 16-О12-56 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Латыпов Т. Р. О применении положений главы 52 УПК при возбуждении уголовных дел в отношении отдельных категорий лиц // Журнал российского права. 2010. № 8. С. 59—65.

¹⁶ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 26.02.2013 № 18-О13-6 // СПС «КонсультантПлюс».

ность воспрепятствования проведению расследования по уголовным делам, принятым им ранее к производству, посредством возбуждения в отношении него уголовного дела. Однако теоретически эти действия могли быть актом мести за его законную деятельность. Поэтому аргументация высшей судебной инстанции в определенной части (в отличие от итогового решения) вызывает некоторые возражения.

Представляется, что нельзя исключить возможность неправомерного преследования должностного лица в связи с исполнением им профессиональных обязанностей и по прошествии значительного времени после его увольнения. В случае распространения особого порядка на такие случаи следствию в ходе проверки сообщения о преступлении необходимо будет устанавливать все этапы трудовой деятельности каждого субъекта, в отношении которого решается вопрос о возбуждении уголовного дела. Законность принятия данного процессуального решения может зависеть от везения органов уголовного судопроизводства.

В связи с этим во избежание неоднозначного толкования правовых предписаний необходимо на нормативном уровне предусмотреть положение о том, что процессуальные иммунитеты распространяются только на лиц, обладающих специальным статусом на момент принятия процессуального решения. Схожее мнение высказывается и в юридической науке¹⁷.

Наконец, стоит урегулировать процедуру производства процессуальных действий в отношении лиц, добровольно отказавшихся от предоставленных им законом дополнительных гарантий. В частности, ч. 3 ст. 56 УПК РФ, устанавливающая перечень свидетельских иммунитетов, содержит формулировку «не подлежат допросу». Однако согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ это отнюдь не означает абсолютный запрет на получение показаний от перечисленных в ней лиц. По его мнению, свидетельский иммунитет не может рассматриваться в качестве препятствия для реализации лицом, обладающим таким имму-

нитетом, права использовать известные ему сведения, в том числе в целях обеспечения и защиты прав и законных интересов субъектов, которых эти сведения непосредственно касаются¹⁸. Такой подход целесообразно закрепить в УПК РФ, распространив возможность отказа от иммунитета и на другие процессуальные действия.

Анализ недостатков норм закона, посвященных дополнительным гарантиям отдельных категорий лиц в сфере уголовного судопроизводства, свидетельствует о наличии дисбаланса в правовом регулировании данного института. Предоставление ряда из них видится неоправданным и в некоторых ситуациях может послужить безусловным препятствием к привлечению виновных лиц к уголовной ответственности. Зачастую интересам обеспечения личной неприкосновенности субъектов, обладающих особым статусом, придается излишне большое значение, что может повлечь причинение ущерба другим общественным ценностям.

Совершенствование данных норм представляется актуальной задачей. В процессе разработки и принятия соответствующих коррективов целесообразно отталкиваться от следующих положений:

- 1) процессуальные иммунитеты разумно закрепить только в УПК РФ;
- 2) усложненный порядок производства по уголовным делам следует рассматривать как средство обеспечения законного и эффективного осуществления публично значимой деятельности лицами, обладающими особым правовым статусом;
- 3) дополнительные гарантии в уголовном процессе не должны служить непреодолимым препятствием к достижению его целей;
- 4) процессуальные иммунитеты необходимо сформулировать четко и однозначно;
- 5) объем привилегий должен быть соразмерен общественному значению исполняемых лицом профессиональных обязанностей;
- 6) процессуальные иммунитеты стоит рассматривать как единую систему.

¹⁷ Добровлянина О. В., Прошляков А. Д. Особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц. М., 2011. С. 45—46.

¹⁸ Определение Конституционного Суда РФ от 06.03.2003 № 108-О ; постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СПС «КонсультантПлюс».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Добровлянина О. В., Прошляков А. Д. Особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц. — М., 2011.
2. Латыпов Т. Р. О применении положений главы 52 УПК при возбуждении уголовных дел в отношении отдельных категорий лиц // Журнал российского права. — 2010. — № 8.
3. Расследование преступлений, совершенных организованными формированиями / под общ. ред. В. Н. Карагодина. — М., 2015.
4. Тарнаков О. Г. Иммунитеты в уголовном процессе. — М., 2011.

Материал поступил в редакцию 27 августа 2015 г.

Imbalance in legal regulation of procedural immunity in the sphere of criminal proceedings

KAZAKOV Aleksandr Alekseevich — PhD in Law, Head of the Department of Criminal Proceedings, 2nd Faculty of Continuous Education (Ekaterinburg) of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.
a.a.kazakov.cp@gmail.com
620142, Russia.Ekaterinburg, Schorsa street, 18.

Review. The article regards procedural immunities in criminal proceedings as the withdrawal of the principle of equality of human and citizen before the law out of the constitutional principle. The author formulates a position on the admissibility of the existence of such exceptions. At the same time he emphasizes that the legislator has to establish clear procedural borders for procedural immunities. Their entrenchment in the normative level is conditioned by the need to ensure the inviolability of persons performing publicly important functions. In turn, the legal regulation of guarantees under consideration should include the establishment of an optimal balance between various interests. In support of this position the author provides the legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation. According to the author, this balance hasn't been fully achieved yet. The reason for this are the deficiencies in the legal regulation of criminal proceedings in respect to certain categories of persons. Entrenchment of procedural immunities in several regulations such as the Criminal Procedural Code, as well in other special federal laws creates significant challenges for a law enforcer. The author provides examples of various presentation of the same guarantees in these acts which results in failing to achieve the necessary level of legal certainty in the field of the study of relations.

The author gives recommendations on the order of the production process in respect of the subjects that have a special legal status. However, it is noted that in order to avoid ambiguous interpretation of legal provisions amendments to the law are necessary.

The analysis of some procedural immunities suggests that they may serve as an absolute obstacle to bring the perpetrators to justice. Among these is the need to obtain a prior consent of the respective chambers of the Federal Assembly for conducting a search in a residential area of the deputy of the State Duma and Federation Council member.

The establishment of a disproportionate privileges to certain categories of persons are also mentioned. For example, lawyers are vested with excessive amount of guarantees. The author suggests treating procedural immunities as a unified system.

The imbalance in the legal regulation of procedural immunities is conditioned by the lack of clear regulations concerning the production process in respect of persons who have lost their special status, as well as having waived legally provided benefits. Such actions shall be conducted in a general manner.

Keywords: procedural immunity, special legal status, criminal procedural guarantees, legal regulation, the balance of interests, attorney-client privilege, parliamentary immunity, the immunity of judges, search, witness immunity, certain categories of persons.

BIBLIOGRAPHY

1. Dobrovlyanina O.V., Proshlyakov A.D. Peculiarities of criminal proceedings in respect of certain categories of persons. — Moscow, 2011.
2. Latypov T.P. On the application of the provisions of Chapter 52 of the Criminal Procedure Code in criminal cases initiation in respect of certain categories of persons. //Zhurnal Rossiiskogo Prava — 2010. — No 8.
3. Investigation of crimes committed by organized formations. Karagodin V.N.(ed.). — Moscow, 2015.
4. Tarnakov O.G. Immunities in Criminal Process. — Moscow, 2011.